

Глава первая

Вена, 1889 год

— Мне страшно, — прошептала молодая женщина.

Ее спутница ничего не ответила и презрительно поджала губы. Говорившая этого не увидела: занавески на окнах наемного экипажа, едущего сквозь ледяную венскую ночь, были опущены и внутри царила непроглядная темень.

Женщина закрыла глаза и постаралась сосредоточиться на приглушенном стуке лошадиных копыт и скрипе колес по снежному насту. Справа раздался пронзительный звон, и она испуганно подскочила. Незнакомый мужской голос грохотал:

— Силы небесные, дубина ты стоеросовая! Как тебе ума хватило перед конкой влезть?!

Дернувшись, экипаж съехал с рельс и тряско пересчитал обледеневшие колеи, оставленные на Шварцшпаниерштрассе разнообразным транспортом.

— Иисус и Мария! — Женщина прижала ладони к животу.

— Возьмите себя в руки, — прошипела ее спутница из темноты. — Подумай вы об Иисусе и Марии девять

месяцев назад, нам не пришлось бы трястись в этом рыдване всю ночь!

— Только бы поскорее добраться до больницы, — задыхаясь, проговорила беременная.

Ее собеседница фыркнула, однако приоткрыла занавеску и постучала костяшками пальцев по стеклу:

— Извозчик, поторопись!

Кучер щелкнул кнутом, и обе лошади рысцой припустили сквозь ночь.

Живот беременной начало сводить спазмом. Чтобы отвлечься, она стала наблюдать за тем, как облачко выдыхаемого ею пара проплывает в луче света и оседает на обледеневшем стекле.

Экипаж повернул направо, затем налево, проехал еще немного и остановился.

— Ротенхаусгассе! Пожалуйста, дамы! — Кучер спрыгнул с козлов и открыл дверцу. Свет озарил внутренность экипажа, стоявшего под газовым фонарем. В желтом сиянии кружился в танце плотный рой снежинок. С начала декабря снег в Вене шел каждый день.

По знаку спутницы первой из экипажа вышла беременная. Спуск давался ей с трудом. Она оперлась на руку кучера, чтобы не поскользнуться. От пронизывающего холода женщину защищали широкая меховая накидка и меховая же шапка. Лицо ее было скрыто под темной шифоновой вуалью, и разглядеть его не мог даже кучер.

Затем вышла вторая женщина. Она была одета точно так же, как первая, и держала в руке дорожную сумку. Дама достала из сумки кошелек и вынула из него купюры.

— Надеюсь, вам понятно, что эта поездка должна остаться в тайне. — Она протянула деньги кучеру.

— Можете на меня положиться, милостивая сударыня. — Возница удовлетворенно осмотрел пачку банкнот и сунул ее в карман. — Честь имею! — извозчик вскарабкался на козлы, взял в руки поводья, и лошади тронулись.

Женщины остались стоять в тупике, образованном двумя переулками. Кроме них на улице никого не было. Даже часовые, которые несли вахту перед воротами казарм Альзер, расположенных поблизости, спрятались от холода в караулку.

Слева высились элегантные многоэтажные дома, в которых жили врачи и профессора, работающие в Центральной клинической больнице и на приписанном к ней медицинском факультете. Была полночь, и светились лишь отдельные окна.

Вдоль правой стороны улицы тянулась стена, окружающая больницу. Территория заведения ограничивалась Зензенгассе на севере, Альзерштрассе на юге, хирургической военной академией на западе и Шпитальгассе на востоке. Внутри располагалось в том числе и родильное отделение. Попастъ в него можно было через двустворчатые деревянные ворота, едва различимые в темноте.

— Не стойте на свету! — Дама с сумкой подтолкнула беременную к закрытым воротам, взялась за тяжелое бронзовое кольцо, висевшее посередине, и энергично постучала. Чуть погодя раздался скрежет металла, и ворота приоткрылись.

В это мгновение начали звонить церковные колокола, приглашая на рождественскую службу в Вотивкирхе, которая располагалась поблизости.

Женщины стояли в проезде, освещенном фонарем, свисающим со сводчатого потолка. Привратник запер ворота и распахнул дверь, которая вела в родильное отделение.

Газовые лампы неровным светом озаряли каменные плиты длинного коридора, двери по обеим его сторонам и голые, беленные известью стены.

— Нас ожидает госпожа Пфайфер, — сказала женщина с дорожной сумкой облаченному в ливрею привратнику. — Где она? Я отправляла посыльного предупредить о нашем приезде.

В это мгновение отворилась последняя дверь по левой стороне коридора. Из нее вышла дородная женщина невысокого роста. Она была одета в черное платье и накрахмаленный белый передник, шуршавший при каждом ее энергичном шаге. Волосы женщины были скрыты под белым чепцом, так что виднелось лишь начало седого пробора. Ее круглые щеки покраснелись от быстрой ходьбы.

— Бог в помощь¹, сударыни! Меня зовут Йозефа Пфайфер. Я надзирательница воспитательного дома для сирот, — представилась она и оценивающе посмотрела на обеих дам под вуалью. Затем ее взгляд остановился на беременной. — Я провожу ее в палату. — Надзирательница взяла стоявшую на полу дорожную сумку.

— Мне велено вначале получить плату за прием, — возразил привратник. — До того пропустить даму в платное отделение не могу!

Беременная кивнула и повернулась к своей спутнице, намереваясь что-то сказать, но тут ее скрутила очередная схватка и она закричала. Йозефа подбежала к ней и приобняла.

— Пожалуйста, сударыня, будьте так любезны уладить формальности, — попросила она вторую даму. — Я провожу роженицу в ее палату.

---

¹ Типичное венское приветствие. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Дама обратилась к беременной:

— Я заберу вас завтра после обеда. Ровно в три часа.

Йозефа взяла стонущую женщину под руку и повела по коридору.

— Тут недалеко, — утешала она страдалицу. Открыв одну из дверей по правую сторону коридора, надзирательница вошла в темную комнату. Раздался громкий щелчок, и под потолком зажглась газовая лампа.

— Пожалуйте, милостивая сударыня.

Беременная вошла, тяжелым шагом направилась к стоящей посреди покоя кровати и с глубоким вздохом опустилась на матрас. Пару секунд она сидела без движения, затем сняла перчатки и меховую шапку. Вещи упали на пол, на что она не обратила никакого внимания. Вуаль она не тронула. Тем, кто поступал в больницу анонимно, дозволялось скрывать лицо и во время родов.

Йозефа поставила дорожную сумку на покрытый линолеумом пол и задернула занавески на окне. После этого она подошла к раковине и проверила, на месте ли мыло, чистые полотенца и бутылка карболки для дезинфекции рук. Бросив взгляд на полку, она удостоверилась, что там лежат полотенца и простыни.

Печка в углу за дверью была натоплена. На ней стояла большая металлическая кастрюля с кипящей водой. Йозефа удовлетворенно кивнула: служанка хорошо подготовила палату для родов.

Женщина жалобно застонала. Йозефа повернулась к ней:

— Вам, очевидно, недолго осталось ждать появления ребенка. Я уже оповестила врача и акушерку, они скоро придут. Позвольте помочь вам раздеться, милостивая сударыня.

Йозефа подняла с пола шапку и перчатки и положила их на тумбочку. Затем она сняла с беременной накидку — соболью, как и шапка, — и повесила ее на крючок на стене. После этого Йозефа расстегнула платье и стянула его с пациентки. Широкое одеяние было сшито из мягкой шерсти и скрывало под собой батистовое белье, шелковые чулки и элегантные кожаные сапожки на пуговках. Ночная рубашка, которую Йозефа извлекла из дорожной сумки и надела на роженицу, была красивее любого праздничного платья, каким надзирательнице доводилось владеть.

Из двадцати пяти незамужних женщин, поступивших в венский родильный дом накануне Рождества, чтобы произвести на свет нежеланный плод и передать его на попечение в воспитательный дом, только эта незнакомка смогла внести сумму в семьсот двадцать крон, взимаемую государством за анонимные роды в удобной одноместной палате. Большинство женщин, которых Йозефа встречала за тридцать лет службы надзирательницей, были горничными, работницами фабрик или поденщицами. Денег у них не водилось. Они могли рожать бесплатно, но были обязаны указать свои имя и адрес, согласиться с присутствием при родах студентов медицинского факультета, а впоследствии нанять иногда до четырех подкидышей одновременно.

Йозефа накрыла беременную одеялом.

— Мне нужен конверт с информацией на случай непредвиденных обстоятельств. Он в сумке?

Молодая женщина еле заметно кивнула. Умри она в родах, в запечатанном конверте содержались ее имя и адрес

родственников, которые должны были решить судьбу ребенка. Если все проходило гладко, покидая родильный дом, анонимная пациентка получала конверт назад.

«Еще одна крошка никогда не узнает, откуда она родом и кто ее родители», — подумала Йозефа.

Коричневый конверт обнаружился на дне сумки. Йозефа с удивлением посмотрела на скрепляющую его печать. Роженица вновь застонала, надзирательница сунула письмо в нагрудный карман передника и поспешила к кровати.

Пациентка сидела и, насколько можно было различить под вуалью, смотрела на свой живот. Йозефа прикоснулась к ее плечу:

— Все в порядке, милостивая сударыня?

— Не уверена!

Йозефа откинула одеяло. На простыне под беременной она увидела мокрое желтоватое пятно, издающее сладковатый запах.

— Околоплодные воды отошли, — заявила надзирательница. — Это нормально. Роды начались.

Через пару минут в покой вошел молодой врач, представившийся доктором Фуксом. Его сопровождала старшая акушерка, пожилая и опытная. Врач пробежал глазами документы пациентки, которые принес с собой, и сообщил:

— Первородящая.

Он посмотрел на беременную, дрожавшую на краю кровати, пока Йозефа меняла простыню. Закончив, та помогла незнакомке лечь и накрыла ее одеялом. Обычно работа надзирательницы заключалась в том, чтобы принять новорожденного, подготовить его и отнести в воспитательный дом, располагавшийся дальше по улице Альзер, в паре минут

ходьбы от родильного отделения. Но в случае анонимных родов для соблюдения секретности Йозефа выполняла и другие обязанности.

Акушерка тем временем вымыла руки и приступила к осмотру роженицы.

— Согните ноги в коленях и расставьте стопы на ширину бедер.

Вместо того чтобы выполнить указания, женщина натянула одеяло до подбородка, и акушерке пришлось самой привести ее ноги в правильное положение.

— Все в порядке, — сообщила она врачу, положив одну руку на живот беременной, а другую засунув под одеяло, чтобы проверить родовой канал. — У ребенка большая головка, а у сударины весьма узкий таз.

Роженица, до сего момента безучастно позволявшая проделывать с собой необходимые манипуляции, приподнялась:

— Я не хочу, чтобы было больно!

— Тут я, к сожалению, ничем помочь не могу. — Доктор Фукс, только что продезинфицировавший руки, подошел к кровати.

— Но я знаю, что есть средство!

— Вы говорите о хлороформе. Его я могу вам дать только на последнем этапе родов. Это небезопасно.

— Дайте сейчас... а-а-а! — Женщину скрутила очередная схватка. — Иисус, Мария и Иосиф, я этого не выдержу! Прерви я проклятую беременность в самом начале, мне не пришлось бы так страдать!

«Гордячка, — зло подумала Йозефа, — все мысли только о себе. До бедного малыша тебе и дела нет! Иначе ты подыскала бы ему дом, вместо того чтобы оставить в приюте».

— Головка показалась! — возвестила акушерка.левой рукой она отвела в сторону колено роженицы, а правой проверила положение ребенка.

Женщина снова закричала и заметалась на кровати в надежде обрести облегчение.

— Держите ее, госпожа надзирательница, иначе она упадет с кровати! — закричал врач и сам схватил роженицу за руки.

Йозефа всем весом придавила плечи женщины к матрасу. Та сопротивлялась изо всех сил.

— Хлороформ, — прохрипела роженица. — Умоляю вас, доктор!

Врач наморщил лоб. Использование хлороформа считалось опасным как для матери, так и для ребенка. Но, вняв мольбе пациентки, он направился к сумке, стоявшей рядом с раковиной, и достал все необходимое для наркоза. Хлороформ находился в небольшой склянке, снабженной помпой, к которой крепился шланг, соединяющий ее с кожаной маской. Не поднимая вуали, врач накрыл маской рот и нос роженицы, а потом несколько раз надавил на помпу, и пары хлороформа потекли через шланг. Женщина должна была немедленно расслабиться, но ее тело осталось напряженным.

— Еще, — простонала она под маской.

— Разве что самую малость, — вздохнул врач. Дай он слишком много, потуги могли ослабнуть или вовсе прекратиться. В худшем случае женщина, полностью потеряв сознание, не смогла бы содействовать процессу родов.

Однако и после повторного применения хлороформа роженица дала понять, что облегчения не наступило. На этот

раз врач решительно отказался повышать дозу. В ответ на это женщина начала с такой яростью метаться по кровати, что акушерка взмолилась:

— Доктор, дайте ей уже это средство, чтобы мы спокойно могли извлечь ребенка!

Через полчаса никаких подвижек в родовом процессе все еще не наблюдалось. Акушерка обследовала роженицу еще раз.

— Мечтатель, — заявила она. Ребенок лежал лицом вверх, а не вниз, как обычно.

Доктор Фукс посмотрел на нее с беспокойством:

— В таком положении голова занимает слишком много места в ее узком тазе.

— От сударыни помощи не дождешься: она вдохнула слишком много хлороформа, — заметила акушерка.

Йозефа, врач и акушерка уставились на женщину, без чувств лежащую на матрасе. Вследствие высокой дозы прекратились и потуги.

— Если мать и ребенок должны выжить, остаются только щипцы, — решил наконец доктор Фукс.

Йозефа испугалась. Она многократно присутствовала при родах с применением щипцов и знала, что это опасно и болезненно для ребенка. Даже при правильном применении инструмента оставались вдавливания, синяки, а иногда случались даже рваные раны или паралич нервов. В ходе процедуры младенец мог и умереть.

— Вам придется заняться наркозом, госпожа надзирательница, — прервал ее размышления врач. — Если пациентка во время операции начнет приходить в себя, трижды нажмите на помпу.

— Я присутствую здесь, чтобы заботиться о ребенке. Кто займется им, если мне придется следить за состоянием сударыни? — возразила Йозефа.

— Послушайтесь врача, — вмешалась акушерка. — Вы и сами знаете, что начнется, если госпожа придет в себя слишком рано. Тогда вам точно придется возиться с мертвым младенцем.

Йозефа знала, что та права, но нехорошее чувство не покинуло ее и после того, как она взяла в руки склянку с помпой.

Доктор Фукс вынул из сумки акушерские щипцы и продезинфицировал их карболкой. Инструмент из блестящей стали был длиной с предплечье Йозефы. Ручки на одном конце позволяли открывать и закрывать слегка вогнутые ложки на другом.

«Будь сильным и борись за первых вдох, малыш», — мысленно умоляла Йозефа, в напряжении наблюдая за тем, как врач осторожно вводит ложки во влагалище. Чтобы правильно ухватить головку ребенка, он мог рассчитывать лишь на свои ощущения. После размещения ложек полагалось ждать следующей потуги. Поскольку таковых у роженицы больше не наблюдалось, а младенец мог умереть, оставайся он слишком долго в родовом канале, врач начал осторожно извлекать плод тянущими вращательными движениями.

— Головка вышла! — с облегчением сообщила акушерка.

Йозефа отложила приспособление для наркоза, бросилась к полке, схватила пару полотенец и встала в ногах кровати. Свой долг по отношению к этой не знающей ответственности женщине она выполнила. Теперь важен только ребенок!

Когда надзирательница увидела головку, сердце у нее сжалось. Из-за вращательных движений щипцов она сбилась на сторону. Глаза не раскрылись. Веки, как и вся головка, были покрыты характерным белым налетом. Отчетливо виднелись оставленные щипцами вмятины с кровоподтеками. Через что пришлось пройти невинному созданию еще до первого вдоха!

Но самое плохое осталось позади. Врач отложил щипцы и руками извлек тельце.

Младенец лежал на матрасе меж расставленных ног матери. Акушерка перетянула пуповину двумя шнурами, обеззараженными в кипятке. Доктор Фукс ножницами перерезал последнюю связь между матерью и ребенком, а потом расстегнул халат и вынул из кармана жилета часы.

— Половина шестого утра, — постановил врач. — Первый ребенок в это Рождество и шесть тысяч пятьсот семьдесят второй в нынешнем году. И это девочка, — добавил он, бросив взгляд между согнутых ножек.

— Она не шевелится. — Йозефа склонилась над мокрым комочком, неподвижно лежащим на окровавленной простыне. Покрасневшая, покрытая налетом кожа была вся в складочках и казалась слишком большой для крошечного тельца. Краешком полотенца Йозефа промокнула нос и рот новорожденной, освободив их от слизи и родовой смазки.

— Лучше хорошенько шлепните ребенка по попе. Тогда и увидите, жив ли он, — посоветовала акушерка.

Йозефа ощутила в горле комок. Она не могла ударить новорожденную после столь тяжелого и болезненного появления на свет. Вместо этого надзирательница стала нежно растирать и массировать маленькое тельце полотенцем, очищая его от налета и крови. Но ребенок так и не пошевелился.

Йозефа завернула младенца в чистое полотенце, подняла и прижала к груди. Указательным пальцем она принялась гладить влажные светло-рыжие волосики, лоб и щеки, ушки и губки девочки.

— Дыши, малышка, — шептала Йозефа. — Дыши.

Губы крошки вздрогнули. Она моргнула, открыла карие глаза, пристально посмотрела на Йозефу и хрипло закричала.

— Ты жива! — Йозефа с улыбкой сунула указательный палец в правый кулачок девочки и счастливо ощутила, как маленькая ручка его сжала.

— Сообщила ли сударыня, как будут звать ее рождественского ангелочка? — поинтересовалась акушерка, вытягивая окровавленные простыни из-под тела роженицы.

Йозефа посмотрела на мать девочки. Та только что пришла в себя; она лежала на кровати, спокойная и утомленная родами.

— У вас здоровая девочка, милостивая госпожа, — сообщила Йозефа. — Как ее назвать?

Женщина не ответила и молча уставилась в потолок.

Глава вторая

Вена, 1890 год

В коридоре раздался топот двух пар детских ног. Они остановились у двери в кабинет Йозефы в восточном крыле воспитательного дома.

— Будешь ябедничать — получишь в нос! — пригрозил звонкий мальчишеский голос.

— Кишка тонка, — послышалось в ответ.

Последовал яростный крик, немедленно сменившийся громким ревом. Йозефа вздохнула, отодвинула стул от письменного стола, встала и направилась к двери. В коридоре к ней подкатился пыхтящий клубок.

— Немедленно прекратите драку! — Йозефа нагнулась и схватила чье-то ухо, торчавшее между вихров.

— Ай! — вскрикнул его обладатель.

Клубок рассыпался, и второй голос пожаловался:

— Госпожа надзирательница, Пауль...

— Ничего не хочу слышать! — перебила его Йозефа. — Встаньте и помиритесь.

Мальчики нехотя поднялись и уставились друг на друга, упрямо сжав губы. Лишь после слов Йозефы: «Что стоите? Пожмите друг другу руки» — они обменялись кратким рукопожатием.

Надзирательница кивнула:

— Теперь отправляйтесь в спальню и отдохните. Идет тихий час! — Она посмотрела на мальчиков, плетущихся по коридору, и тихо закрыла за собой дверь.

Вернувшись за стол, Йозефа подумала, что этот небольшой перерыв оказался как нельзя кстати. Вносить записи в дела воспитанников она не любила. Ей нравилось заниматься непосредственно детьми: их воспитанием и обеспечением. Всякий раз, когда у нее появлялось время, Йозефа играла и пела с воспитанниками или читала им вслух.

Надзирательница поправила очки и взяла из стопки следующую папку. На обложке значилось: «№ 6572».

«Фанни», — подумала Йозефа, и у нее потеплело на сердце, как и всякий раз, когда она вспоминала о девочке, родившейся в прошлом году рождественским утром.

Йозефа сама дала ребенку имя и выбрала именно Фанни, потому что назвала бы так свою дочь, подари ей дитя милостивый Господь. Родная мать не имела никаких возражений. Она отказалась даже взглянуть на младенца.

Надзирательница посмотрела в окно на стоящее напротив западное крыло приюта. Солнечный свет отражался в окнах зала для грудничков. Со двора доносился неясный гул голосов и детский плач. Как и всякий день, у ворот толпилась пара дюжин женщин, желающих забрать младенцев. Забота о ребенке оплачивалась деньгами из казны, а сверх того выдавались пеленки и подгузники. Обычно такие приемные матери